

Я.В. Романцова

ТВАРДОВСКИЙ: ДВА ВЗГЛЯДА НА ПУШКИНА

На протяжении своего творческого пути Твардовский дважды обращался к Пушкину и делился своими размышлениями о восприятии его личности и его наследия. В первый раз – в 1949 году, когда он напечатал в «Литературной газете» статью «Праздник русской и мировой культуры», позднее названную «Пушкин». Вторично – через 13 лет, когда выступил 10 февраля 1962 года в Большом театре с речью «Слово о Пушкине». Обе эти работы роднит то, что их появление связано с пушкинскими юбилеями – 150-летием со дня рождения поэта и с 125-летием со дня его смерти. Дело, конечно, не в том, что юбилеи обязывали к славословию: при всей трепетности отношения Твардовского к Пушкину ни в одной из его статей нет и намёка на похвалы ради похвал. Дело в том, что памятная, «круглая» дата как-то по особому обязывает к широте взгляда на писателя, к разносторонности его оценки, к почти неизбежному в подобных ситуациях стремлению соотнести его творчество с той эпохой, в которую эта дата отмечается. Сопоставительный анализ этих выступлений и является целью этой работы.

Когда писалась первая статья, Твардовскому было уже под сорок, естественно его отношение к Пушкину, находившемуся в центре его внимания и его раздумий о литературе, вполне сформировалось, оно, конечно, могло меняться и в каких-то деталях, в каких-то акцентах действительно менялось, но в глубинных основах оставалось неизменным.

Вместе с тем необходимо учитывать отличия тех условий, в которых создавались обе статьи. 1949 – год разгула сталинского террора. Только что появились изуверские постановления ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства. В них подвергались шельмованию выдающиеся деятели русской культуры. Это должно было больно ранить Твардовского, потому что о многих из них, особенно об Ахматовой он был очень высокого мнения. Он понимал, что и те, кто пока не стал жертвой огульных обвинений, не могут быть гарантированы от того, что это не случится с ним завтра. То, что он был автором поэмы «Василий Тёркин», заслужившей мировое признание и всенародную любовь, ничего не стоило. В. Мурадели тоже был в чести за день до того, как его имя втоптали в грязь. Никто не знал, как может быть извращено и перетолковано любое слово.

В 1962 году ситуация была совсем другая. Прошли XX и XXII съезды КПСС, в ходе которых были разоблачены преступления Сталина. Партия клялась и божилась, что возврата к временам сталинского произвола больше не будет, и многие этому верили. Буквально через несколько месяцев после того, как в Большом театре прозвучало «Слово о Пушкине», Хрущёв разрешил не кому-нибудь, а именно Твардовскому опубликовать в «Новом мире» повесть А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Твардовский в то время не только главный редактор самого влиятельного общественно-литературного журнала, но и депутат Верховного Совета СССР, и кандидат в члены ЦК

КПСС. Понятно, что его возможности выразить своё мнение были несопоставимы с теми, которыми он обладал в 1949 году.

Не следует упускать из виду и жанровые особенности обоих выступлений. В 1949 году это газетная статья, где автор был жёстко скован объёмом и имел возможность предать гласности лишь некоторые, самые общие свои суждения. «Слово о Пушкине» – это речь, произведение ораторского искусства. Хотя она была напечатана на следующий день в качестве статьи в «Правде» (не в «Литературной газете», а именно в «Правде», материалы которой носили патриотично-директивный характер), задумана и написана она была для произнесения в аудитории и в значительно большей степени открыта для утверждений в чём-то субъективных, не претендовавших на бесспорность. И уже в силу этого обстоятельства, а также, конечно, и объёма, которым она превышала статью 1949 года в три с лишним раза, она даёт больше возможностей для того, чтобы составить представление о месте Пушкина в духовном мире Твардовского.

Это, разумеется, не значит, что статьёй 1949 года можно пренебречь, что она как бы перекрывается «Словом о Пушкине». Нет, каждое из этих выступлений по-своему важно и ценно, и оба они заслуживают пристального внимания. Оба они начинаются одинаково, с признания, «что говорить о Пушкине невероятно трудно как раз по причине обманчивой лёгкости этой задачи» [2;365], «как страшно здесь произвести хоть одно неверное слово, тем более, что о нём уже сказано столько прекрасных, достойных его имени и его подвига слов всеми теми, кто вместе с ним составляет мировую славу русской литературы» [2; 17].

Ещё одна прямая перекличка. В «Слове о Пушкине»: «...Кого же ты более знаешь и любишь, чем Пушкина, с той ранней поры, когда тебе ещё куда слаще было слушать, как читают другие, чем читать самому». В статье 1949 года о том же сказано не просто детальнее, но, если можно так выразиться, прочувственнее: «Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со стиха я знал его «Сказки о царе Салтане», «Полтавский бой» из «Полтавы», «Сон Татьяны» из «Евгения Онегина», «Жениха». Но «Капитанская дочка» явилась для меня первой в жизни самостоятельно прочитанной книгой. Я помню формат книги, её запах, помню, как я был счастлив, что сам открыл эту неизвестную мне со слуха историю... С того вечера я стал читателем книг, и мне бесконечно дорого, что этим я обязан Пушкину. А кто не обязан ему радостью приобщения на самой заре жизни к источнику, из которого потом пить всю жизнь» [2; 17].

Для Твардовского очень характерно постоянно соотносить своё индивидуальное отношение к Пушкину и своё восприятие с общим. То, что Пушкин приходит к нам в детстве, а мы к нему лишь с годами – это, конечно, общее, как и то, что путь к постижению Пушкина лежит и через преподавание литературы, и через чтение книг и статей о нём, и через беседы с друзьями. И даже исповедально-искреннее признание в том, что полное ощущение «ни с

чем не сравнимой силы пушкинского слова» пришло «только в дни Отечественной войны, в дни острой, незабываемой боли за родную землю» Твардовский сопровождает напоминанием, что чувства, испытанные им, познали тогда и многие другие люди его поколения.

Твардовский высказывает глубокие, проницательные догадки о судьбе пушкинской традиции в русской литературе. Он напоминает о том, что ревнители и толкователи «чистого искусства» «свысока взирали на Некрасова. Но Некрасов нёс свою благородную службу певца народного горя и гнева, говоря с народом на том языке, который был создан для нашей поэзии Пушкиным, и вслед за Пушкиным наполнял своё искусство живой жизнью и страстью сердца» [2; 18-19]. Именно Некрасов, по убеждению Твардовского, «прямой наследник» Пушкина: «его язык, его стих развивался по заветам пушкинской эстетики – эстетики реализма» [2;20]. Сегодня кто-то, может быть, сочтёт эти утверждения тривиальными. Но вспомним: статья была написана в 1949 году, то есть за три года до того, как вышло в свет первое издание монографий К.И. Чуковского «Мастерство Некрасова», в которой был аргументированно обоснован тезис о Некрасове как приемнике Пушкина, вскоре принятый литературной наукой.

«Слово о Пушкине» Твардовского произнёс, как уже упоминалось на торжественном заседании, посвященном 125-летию со дня смерти поэта. Следует вспомнить, что, начиная примерно с 1950-х годов и на протяжении нескольких десятилетий, существовал негласно принятый порядок, согласно которому отмечались только годовщины дней рождения, а напоминать о круглых датах, минувших со времени смерти было не принято.

Твардовский это, конечно, хорошо знал и не случайно в начале своей речи он счёл необходимым специально напомнить, что «когда речь идёт о Пушкине, не имеет, в сущности значения – справляется ли дата рождения или смерти: это не именины и не поминки, а лишь повод для новой встречи с его поэзией и тем самым как бы и с ним самим во всём обаянии и блеске его ума и характера, его личности» [2; 365].

Легко и свободно чувствуя себя до тех пор, пока мы общаемся с Пушкиным как читатели, мы все ощущаем расстояние, отделяющее его от нас, когда пытаемся высказывать какие-либо суждения о нём. Твардовский сказал уже в своей статье («ещё выше, ещё больше становится Пушкин» [2; 21]); а здесь повторил ещё более развёрнуто и выразительно: «...Пушкин нашей поры больше, чем тот, которого знали наши предшественники» [2; 366].

Очень показательны, что Твардовский счёл необходимым защитить Пушкина от «понятий революционных демократов во главе с Чернышевским», хотя и «отдававших щедрую дань признания художественному гению поэта, но всё же, по условиям литературно-политической борьбы, иногда относивших к нему требования своей эпохи с излишним, может быть, риторизмом» [2; 336].

Сегодня эти слова Твардовского вряд ли кого-то удивят. Мы пережили принципиальную переоценку ценностей, с голов революционеров-демократов

снят нимб непогрешимости, стало общепризнанным, что многие их оценки и современных им, и предшествующих художественных явлений страдали сектантской ограниченностью. Известно, что Чернышевский разобрался во Льве Толстом значительно хуже, чем «реакционер» Страхов, что те, кого уничижительно именовали идеологами «чистого искусства» оказались в своих оценках Пушкина достаточно близки к истине, а ниспровергатель Пушкина Писарев лишь выразил с наибольшей резкостью и недвусмысленностью то, что в более мягких и обтекаемых выражениях говорили Чернышевский и Добролюбов.

Но это сегодня. А в 1962 году, когда демократов провозглашали и, надо сказать, не без определённых оснований непосредственными предшественниками большевиков и выискивали у них признаки грядущего «научного социализма», их авторитет был непререкаем. Те их высказывания о Пушкине, которые, как говорится, не лезли ни в какие ворота, было принято обходить молчанием. Чтобы напомнить о них пусть даже в самой сдержанной форме, требовалось незаурядное мужество, и Твардовский его проявил.

К сожалению, с точки зрения наших сегодняшних представлений не выдержала испытание временем та оценка, которую дал автор «Слова о Пушкине» речи Достоевского, произнесённой в 1880 году, в дни открытия памятника великому поэту. Он оказался в плену ошибочного понимания и необоснованных истолкований, возникших ещё в XIX веке. «Какое там «смирись, гордый человек», когда главный пафос всей поэзии Пушкина и сама его жизненная судьба и трагическая гибель – образец мужественного непокорства, утверждение высокого достоинства человеческой личности», – говорил Твардовский.

Как показал Б.В. Томашевский в своей классической монографии «Пушкин» [4; 643-646], Достоевский обращал процитированную Твардовским формулу не к человеку вообще, а к Алеко, в котором «он видит предвестника всех ненавистных ему идей, вплоть до идеи социализма». Именно к Алеко в таком понимании обращена проповедь Достоевского: «Смирись, гордый человек, и, прежде всего, сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и, прежде всего, потрудись на родной ниве». Правда, свою проповедь Достоевский не выдаёт за истинное выражение замысла Пушкина. Он только заявляет, что «это решение вопроса в поэме Пушкина уже сильно подсказано» [4; 643-644].

Но, признавая необходимость внести в сказанное Твардовским, о пушкинской речи Достоевского определённые уточнения, не следует упускать из виду и другое: в своём утверждении, что Достоевский подчинил «свои наблюдения фальшивой умозрительной схеме» и в результате нарисовал чуждый нам образ Пушкина, – в этом Твардовский был прав. Прав он был и тогда, когда по существу поставил концепцию речи 1880 года в ряд с другими препятствиями «на нашем пути к Пушкину: и стремлением представить его жрецом искусства для искусства; и вульгарно-социалистическими

«исследованиями», принижавшими его до представительства «классовых интересов» поместного дворянства; даже призывал «сбросить Пушкина с корабля современности» [2; 367].

Опираясь на конкретные факты, Твардовский приходит к широкому, обобщающему выводу, что «содержание подлинного произведения искусства вообще редко исчерпывается тем, чем оно, это содержание, занято по видимости, по сюжету или теме, но ещё имеет свои глубинные слои, которые не вдруг и обнаруживаются» [2; 371].

О пушкинском реализме написано много и до 1962 года, и за сорок лет, минувших с той поры. Но, кажется, один только Твардовский обратил внимание на то, что органическим истоком пушкинского реализма как явления литературного стал «весь реализм русского народного взгляда на жизнь, его «живописный способ выражения и веселье лукавого ума», говоря словами самого поэта» [2; 371].

Сдержанно извинившись за «отвлечение от темы собственно Пушкина в сторону сегодняшних забот и вопросов», Твардовский оправдывает это тем, что разговор о наших сегодняшних заботах, «так сказать, в присутствии Пушкина» объясняется самим нашим отношением к поэту, «которого мы считаем не святыней, отдалённой от нас своим величием, но живым и действенным участником в решении наших нынешних дел» [2; 372, 373]. А таким нынешним делом для Твардовского была «тревога за чистоту и выразительную силу современного русского языка», богатство которого оказалось «под угрозой загрязнения, оскудения и трудновосполнимых потерь». Вести такой разговор в «присутствии Пушкина» тем более закономерно, что на наших глазах «нарушается прекрасный пушкинский завет сжатости изложения, наполнения мыслью каждой строчки» [2; 374].

Так же, «в присутствии Пушкина» Твардовский обсуждает и другую болезненную тему о состоянии современной поэзии, которой «как бы не коснулось, не оказало заметного воздействия» «богатство чувств и настроений лирической поэзии Пушкина». У Пушкина гражданственность была неотрывна от понятия высокого назначения поэзии как искусства, а «это вовсе не одно и то же, что способность «отозваться» на большой спрос времени кое-как сколоченными строчками, вся «гражданственность которых целиком помещается в соответствующем заглавии» [2, 376].

Не избегая самых резких слов, Твардовский говорит о «бедах нынешней поэзии», о её «идейной бедности», «скудости поэтического содержания», «недостатке мысли». Тщетно она «пытается укрыться за щитом из высоких гражданственных слов, не прогретых, так сказать, на собственном огне», «стремится оснастить себя мелкотравчатой проблематичностью, украсить себя узорчатостью формы, выдаваемой за новаторство, которое на поверку является не более как эпигонством» [2; 376, 377].

Если сейчас Твардовский говорил о таких болезнях «нашей литературной молодёжи», как «удручающая немощ содержания, узость собственного взгляда

на общественную жизнь», то именно потому что пушкинский образец обязывал её к иному. В Пушкине Твардовский усматривает самое действенное подтверждение того, «Что подлинно великие создания гения в искусстве обладают бесконечно долгой жизнью для человечества... Ныне мы все более постигаем поэзию Пушкина как бессмертное общенародное духовное богатство»[2; 380, 381].

Таким образом, каждое из выступлений Твардовского – и 1949 и 1962 гг. – открывает новые грани его отношения к великому поэту. Лишь рассматривая их в совокупности, и в сопоставлении, можно создать полное представление о нём.

Литература

1. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти тт. – Т.3. М.: Худ. лит., 1978. – 431с.
2. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти тт. – Т.5. М.: Худ. лит., 1980. – 464с.
3. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти тт. – Т.6. М.: Худ. лит., 1983. – 672с.
4. Томашевский Б.В. Пушкин. Кн.1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1956. – 744с.
5. Чуковский К.И. Мастерство Некрасова. – М.: Худ. лит., 1955. – 578с.

Аннотация

Я.В. Романцова. Твардовский: два взгляда на Пушкина.

Статья посвящена исследованию деятельности Твардовского как литературного критика. Твардовский неразрывно связывал плодотворное решение задач, стоящих перед современной литературой, с тщательным изучением творчества мастеров прошлого. Из классиков русской литературы его больше всего привлекали Пушкин, Некрасов, Бунин. В данной статье производится сравнительный анализ статьи Твардовского «Пушкин», опубликованной в 1949 году в «Литературной газете» к 150-летию со дня рождения поэта и «Слова о Пушкине», приуроченного к 125-летию смерти поэта (1962г.).

Ключевые слова: русская литература, искусство, поэт, традиции, поэзия.

Анотація

Я.В. Романцова. Твардовський: два погляди на Пушкіна.

Стаття присвячена дослідженню діяльності Твардовського як літературного критика. Твардовський невід'ємно пов'язував плідне вирішення задач, що стояли перед сучасною літературою, з ретельним вивченням творчості майстрів минулого. Серед класиків російської літератури його найбільш приваблювали Пушкін, Некрасов, Бунін. В даній статті проводиться ретельний порівняльний аналіз статті Твардовського «Пушкін», що була видана у 1949 році в «Літературній газеті», присвячена 150-річчю з дня народження поета, та «Слова о Пушкіне», присвяченого 125-річчю з дня смерті поета.

Ключові слова: російська література, мистецтво, поет, традиції, поезія.

Summary

Y.V. Romantsova. Tvardovsky: two views on Pushkin.

The article is devoted to the studying of the Tvardovsky's literary-critical articles. Tvardovsky inalienably joined the effective solving of modern literal problems with the thorough studying of the previous masters' works. Among the Russian literary classic writers he was mostly attracted by Pushkin, Nekrasov, Bunin. Thorough comparative analysis of the Tvardovsky's article «Pushkin» published in 1949 in «Literaturnaya gazeta», devoted to the 150 years from the day of birth and «Slovo o Pushkine», devoted to the 125 years from the day of death is carried out in the article.

Key words: Russian literature, art, poet, traditions, poetry.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Л.Г. Фризманом.